

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Цифровые технологии в контексте антропологической революции |

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

Россия, Саратов.

Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина.

Кафедра социологии, социальной политики и регионоведения. Доктор социологических наук, профессор.

Russia, Saratov.

P. A. Stolypin Volga Region Academy of Public Administration.

The Department of sociology, social policy and regional history. PhD in sociological sciences, professor.

lionel1801@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Цифровые технологии оказывают воздействие на культуру, прежде всего, через изменение механизмов социальных взаимодействий. Дигитализация создает необходимость изменения отношений собственности. Нужны нормы, адекватные природе отношений собственности на объекты виртуального пространства. Однако, при этом неизбежен пересмотр сложившихся представлений о собственности вообще. Радикально меняется также природа культурного потребления; в информационном обществе оно первично в отношении производства. Создаются предпосылки для изменения социального статуса создателя культурных ценностей. Диалог «человек-компьютер» меняет природу фундаментальных отношений «я-другие». Виртуальное пространство приобретает самостоятельное значение, в него переносится все больший набор взаимодействий, составлявших, ранее, ткань социальной реальности. Линейная организация нарративов заменяется гипертекстовой; стираются границы, отделяющие гипертекст от контекстов; происходит разрушение иерархий, ликвидация зазора между публичной и частной сферами коммуникации. В совокупности вносимые в мир культуры цифровыми технологиями изменения интерпретируются как антропологическая революция.

Ключевые слова: дигитализация, интеллектуальные собственности, культурное потребление, эволюция культурной среды, социальный статус художника, гипертекст, эпистемологическая неуверенность

Digital Technologies within the Context of an Anthropological Revolution

Digital technologies have an impact on culture, primarily through changes in the mechanisms of social interactions. Digitalization creates the need for change of ownership. We need standards that are relevant to the nature of property relations as regards objects in the virtual space. However, this is actually an inevitable revision of already-existing notions about property, in general. Radically changing the nature and cultural consumption in the information society is primarily for production purposes. This creates the preconditions for a change in social status, the creator of cultural values. The dialogue of "man-computer" changes the nature of the fundamental "I-other" relationship. Virtual space acquires an independent meaning; it carries with it an increasing set of previously-formed interactions, the fabric of social reality. A linear narrative is replaced by the hypertext organization, blurring the boundaries that separate hypertext from context. This results in the destruction of hierarchies, the elimination of the gap between public and private spheres of communication. Taken together, creating the world of culture, digital technology changes are interpreted as an anthropological revolution.

Key words: digitization, intellectual property, cultural consumption, the evolution of the cultural environment, the social status of the artist, hypertext, epistemological uncertainty

Дигитализация сама по себе, как технический процесс, не значит, в культурном смысле, ровно ничего. В принципе, несложно себе представить, в весьма недалеком будущем, практически полную тождественность копий оригиналу. У такого положения вещей есть очевидные социальные последствия, но оно само по себе не значит ничего для культуры. Значимы вторичные следствия: те отношения, которые возникают по поводу копирования.

Прежде всего, это отношения между людьми.

Дигитализация ставит под вопрос обоснованность существующих норм базовых отношений собственности, одного из ключевых архетипов современной культуры. Классическим

примером происходящей, при этом, подмены понятий может служить полемика вокруг «пиратства». Сторонники ужесточения контроля соблюдения авторских прав создали жалостливый образ несчастного автора, сочинившего книжку (музыку, программу), отчаянно нуждающегося в деньгах, но не получающего их, потому что злобные хакеры книжку (музыку, программу) украли и выложили в сеть.¹ История эта с реальностью не имеет ничего общего.

¹ Ироническое описание ситуации смоделировано С. Лукьяненко в сиквеле 1999 года легендарного «Лабиринта отражений», «Прозрачные витражи». (Лукьяненко С. Прозрачные витражи. М., АСТ, 2002).

Во-первых, украсть «из головы» автора, слава Богу, пока нельзя. Если книжка выложена в сети, значит, она существует или на бумаге, или в электронной версии. Так или иначе, текст не может стать доступным против воли автора; другой вопрос, кому именно он хотел его сделать доступным, на каких условиях, и что из этого вышло. И автор должен был получить гонорар или какой-то иной профит. Конечно, бизнес не бывает без ошибок, но это уже претензии в адрес законов рынка, а не интернета. Вопрос, таким образом, об интересах не автора, а посредников, отнюдь не бедных издательских фирм. Драматические события, связанные с попыткой «протолокнуть» через Евросоюз АСТА (международное соглашение в области защиты авторских прав), в полной мере демонстрируют именно такую расстановку сил. 26 января 2012 г. чиновники Евросоюза на саммите в Японии поставили подписи под этим документом. Следствием стали достаточно широкие протесты европейской общественности.² И, 4 июля 2012 г. в Европарламенте АСТА получил 39 голосов «за» при 478 «против».³ Из этого вовсе не следует, будто европейские парламентарии не уважают право собственности. Как справедливо заявили представители ALDE (Альянс либералов и демократов), в АСТА не хватает баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и защитой основных прав и свобод. Аналогичную позицию занял Мартин Шульц, президент Европарламента.⁴ Р. Столмен пишет: «политики... служат большим музыкальным и кинокомпаниям. Они намерены навязывать то, чего желают эти компании: сначала сорока с лишним странам, затем — всему миру».⁵ Показательно, что среди «борцов за авторские права» весьма заметное место занимают представители порноиндустрии.⁶

Суть дела в том, что современное информационное пространство, в котором только и оказались возможными многомиллиардные прибыли медийных компаний, не создано этими компаниями, и потому претензии с их стороны на управление им не имеют под собой оснований, представляют собой попытку экспроприации чужих прав и чужой собственности. Если Apple, в свое время, создала сервис iTunes, то, естественно, в границах этого сервиса может устанавливаться любые правила, какие сочтет нужным. Тех, кто с этими правилами не согласен, никто не обязывает iTunes пользоваться. Но интернет, а тем более современное информационное пространство в целом (включая сотни миллионов людей, в него интегрированных), собственностью медийного бизнеса никак не является. И ме-

дийный бизнес в нем может выступать только на правах одного из игроков, не более.

Во-вторых, и это самое интересное, в результате махинаций лоббистов тех самых издательских и музыкальных фирм осуществляется синтез старых норм с новыми, причем в той пропорции, которая правообладателям выгодна. Все очень просто. Если вы купили в магазине книгу, вы можете дать ее почитать знакомым, не так ли? На это ваше право никто ранее не посягал. Но теперь вам говорят, что покупать электронную копию вы должны точно так же, как бумажную, *а вот пользоваться ей — иначе*. Налицо явное логическое противоречие. Следовательно, одно из двух. Либо надо соблюдать все ранее разработанные правила в отношении оцифрованного контента (то есть рассматривать его приобретение аналогично покупке любой вещи), и тогда отказаться в принципе от борьбы с копированием, либо признать, что эти правила к нему не подходят, и придумывать новые, а значит, пересматривать всю систему отношений купли-продажи применительно к оцифрованным товарам и услугам.

На сегодняшний день практики исполнения законодательства об авторских правах формируются спонтанно. Значительная часть решений принимается в интересах праводержателей; в то же время, в октябре 2011 г. в решении Верховного суда США по иску ASCAP (Американское общество композиторов, авторов и издателей) указано, что загрузка музыкальных произведений не должна приравниваться к публичному исполнению, и, следовательно, ASCAP не может претендовать на роялти в этих ситуациях.⁷ Речь идет отнюдь не о частном решении — цена вопроса, по оценкам специалистов, около 1 млрд долларов ежегодно, но еще важнее принцип: строго говоря, в пространстве прецедентного права это решение может быть использовано для блокирования большей части аспектов АСТА.

Жить, как раньше, вообще говоря, не получится. Печатную книгу можно дать почитать десятку друзей, электронную — разослать в десятках миллионов копий. Но если мир стал другим, то и правила надо менять радикально, а не приспособлять, как удобнее тем, кто имеет возможность повлиять на их трактовку.

Ключевым является именно вопрос копирования. Произведение, которое не может быть скопировано к принципу (вернее, копия которого изначально считается не равной оригиналу) подразумевает отношения автора-потребителя face to face. Конечно, посредники могут возникнуть и здесь, но они, по сути, не посредуют, а подменяют участников сделки, выступают в роли адвокатов. Если технологически возможно изготовить небольшое количество копий (несколько штук, в крайнем случае, десятков штук), коммерческие отношения вообще не возникают. В античную эпоху авторы крайне редко имели непосредственный доход с книг; средневековые книги иногда стоили целые состояния, но не в силу больших размеров авторских отчислений; самиздат бесплатен в абсолютном большинстве случаев.

У такого положения вещей элементарная экономическая логика: если вещь единична, создатель может установить лю-

² АСТА: signed, not yet sealed — now it's up to us // Open rights group. <http://www.openrightsgroup.org/blog/2011/acta:-signed,-not-yet-sealed-now-its-up-to-us> ; В Польше прошли акции протеста против принятия антипиратского соглашения АСТА // SecurityLab. <http://www.securitylab.ru/news/418952.php>

³ Европейский парламент проголосовал против соглашения по борьбе с контрафакцией (АСТА) // nixp. <http://www.nixp.ru/news/11829.html>.

⁴ Президент Европарламента раскритиковал антипиратское соглашение АСТА // SecurityLab. <http://www.securitylab.ru/news/420035.php>

⁵ Пояснения к декларации против АСТА // FSF. <http://www.fsf.org/campaigns/acta/why-acta-declaration>

⁶ «Яндекс» обвинили в нарушении авторских прав представителя американской порноиндустрии // SecurityLab. 31 июля, 2012. <http://www.securitylab.ru/news/427821.php>; Порнографический ресурс требовал у пользователей £700 за незаконный обмен файлами // SecurityLab. 13 марта, 2012. <http://www.securitylab.ru/news/421443.php>.

⁷ Загрузка музыки из Интернет не приравнивается к публичному исполнению // SecurityLab. <http://www.securitylab.ru/news/407835.php>.

бую цену, но рынок будет ограничен только богатыми людьми. Малое количество копий устраняет как уникальность, так и возможность массовых продаж; за экземпляр, как правило, нельзя запросить много, просто не купят, а мало брать не имеет смысла, прибыль будет мизерна. В издательском деле проблема авторского права возникает, когда производство массовых тиражей становится рентабельным. Но совершенно очевидно, что сейчас мы переходим к следующему этапу, когда копий может быть неограниченно много, а копирование (и распространение) не стоит ничего (вернее, не стоит издателю; копирование привязано к общей стоимости ресурсов интернет и в существенной степени оплачивается всеми пользователями, а также государственными дотациями провайдером, но никак не медийными компаниями). А именно за копирование и распространение брали деньги издатели до цифровой эпохи.

Неограниченные возможности копирования радикально меняют природу рынка. Получает дополнительный стимул концепция фирмы, для которой потребитель — ресурс, включаемый в расчёт прибыли. Потребление ставится над производством. Эта фундаментальная смена парадигмы воспринимается некоторыми критиками как проявление кризиса общества, *affluenza*. Наиболее известный опус этого ряда, цикл телепередач, превращённый затем в книгу Дж. де Граафа, Д. Ванна и Т. Х. Нейлора, трактует потребительство как болезнь.⁸ Эта книга действительно впечатляет, но лишь в аспектах, касающихся экологии. Однако, чем в большей степени потребление становится виртуальным, тем менее мы разрушаем природную среду. Так, домашний офис и распределённая работа впервые реально сокращают транспортные издержки: десятки миллионов людей не едут каждый день из дома на работу и обратно.

Что же касается тезиса «процесс делания покупок открывает путь в вымышленный мир, где индивид может чувствовать себя значительным и достойным уважения», то если он кажется вам убедительным, значит вы подверглись манипулированию, поскольку в нем неявно присутствует посылка о наличии будто бы неких глубинных смыслов в повседневности доиндустриальных эпох. Между тем жизнь абсолютного большинства людей в традиционных обществах была всего лишь борьбой за выживание, которую десятки и сотни тысяч людей периодически проигрывали, вымирая от голода и болезней (кстати, при этом они тоже вполне успешно разрушали, в доступных им масштабах, природную среду). Остальные, привилегированное меньшинство, развлекались войнами и, опять же, демонстративным потреблением. Иллюзия, будто аскетизм сам по себе порождает духовность, ничем пока что не подтверждена.

Ориентация на духовные ценности формируется не отказом от потребления, а воспитанием культурных потребностей. Однако, перенос центра тяжести с производства на потребление имеет хотя бы тот позитивный смысл, что разрушает кальвинистскую догматику, однозначно враждебную культурному развитию.⁹ Дигитализация, сама по себе, не изменит отноше-

ние людей к культурным ценностям, но она создает оптимальные возможности для культурного потребления, а оно является естественным необходимым условием для формирования позитивных установок на культурное участие.

Следующая грань проблемы возникает при описании отношения «человек — компьютер».

Подмена понятий происходит и здесь. Прежде всего, она заложена уже в названии вещи. Слово компьютер переводится, собственно, как «вычислитель». Но это название имело смысл лишь в 1960-годы, когда не существовавшие еще компьютеры, ментальные слепки с больших ЭВМ, виртуально соперничали с калькуляторами. Парадокс заключается в том, что когда компьютер стал реальностью и вытеснил на обочину прогресса калькулятор, он уже перестал быть «более совершенным аналогом» своего конкурента. Первые персональные «машины для вычислений» уже имели собственные языки, арифмометрам в принципе не нужные. Еще более показательным, что Ваннавер Буш сформулировал понятие гипертекста в 1940-е годы, не только до интернет, но и до компьютера (а по сути, и до маломагически адекватных больших ЭВМ).¹⁰

Традиционный для фантастики 1950–1960-х годов мотив внезапного столкновения человека с искусственным разумом (в одном рассказе К. Саймака носителями такового оказываются вообще все вещи, от пишущих машинок до швейных)¹¹ в действительности, описывает лишь ситуацию обывателя, но не человечества в целом. Прежде чем воплотиться в металле и кремнии, искусственный разум жил в людском воображении. И это вполне естественно. Конечно, часть разработчиков компьютеров ставила перед собой сугубо практические и ограниченные задачи в служебном технологическом пространстве. Диалог «человек — машина» их не интересовал. Только вот рынок, как выяснилось, ждал не их, а фантазеров Гейтса и Джобса. До конца 80-х годов Spectrum по возможностям не слишком уступал PC и Mac, а по цене их обыгрывал (благодаря невысокой стоимости, за первые 17 месяцев продаж было реализовано более миллиона этих машин; к 1987 году розничные цены упали до £139–149).¹² Незадача лишь в том, что как пар-

тября 1553 года. Воздвигнут последователями Жана Кальвина, триста пятьдесят лет спустя, на знак искупления того поступка, чтобы впредь отвергнуть всякое принуждение в вопросах веры». Возможно, кому-то кажется, что это служит искуплением грехов и преступлений «Женевского папы», за 4 года доминирования которого в малом совете было казнено 58 человек, закрыты все театры, разбиты зеркала, как вещи, поощряющие суетность. Нельзя покаяться за того, кто не раскаялся сам; памятник Сервету свидетельствует лишь о наличии совести и стыда у тех, кто называет себя кальвинистами спустя четыре столетия после, но не у самого Кальвина. (см.: Бобров О. Е. Мигель Сервет и интриган Кальвин, или Как расправиться с оппонентом руками врагов // *Therapia*. 2009. № 6–7 (38).

¹⁰ Лебедев А. Краткий экскурс в историю гипертекста // Студия Артемия Лебедева. <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/54/>; Гипертекст // *Letopisi.Ru*. <http://letopisi.ru/index.php/D1.88>; Ваннавер Буш. Как мы можем мыслить. <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/lib/vbush.ru.html>; As we may think

¹¹ Vannevar Bush. <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/vbush.html>

¹² Этот рассказ первоначально на русский под разными названиями. В переводе В. Синяева — «Схватка» (сборник «И грянул гром», М., 1976); в переводе Н. Галь — «Разведка» (одноименный сборник; М., АСТ, 1999).

¹³ How the Spectrum began a revolution // BBC (2007). <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/6572711.stm>.

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Цифровые технологии в контексте антропологической революции |

тнер по диалогу, он требовал от человека профессиональных знаний и поэтому воспринимался большинством всего лишь как рабочий инструмент (для фанатов это было не так,¹³ они есть и сегодня, эти фанаты, только число их измеряется сотнями, если не десятками, а не миллионами).¹⁴ Массовым компьютер стал только после того, как диалог с ним оказался возможен для любого обывателя.

То, что на рубеже 1980-х — 1990-х годов произошёл фундаментальный поворот в развитии технологий, причем человечество отказалось от целого ряда проектов, рассматривавшихся, в предыдущие полвека, как ключевые, в пользу дигитализации мира, подмечалось неоднократно. В России, наиболее настойчиво, С. Переслегиным, который, сравнивая нашу реальность с «миром Полудня», пишет: «обратим внимание, что с точки зрения мира Стругацких техника нашей Реальности тоже дает ряд поводов для насмешки. Например: высочайший уровень вычислительной техники при полной примитивности ее использования («пентиум» с тридцатью двумя мегабайтами оперативной памяти и гигабайтом твердого диска для бухгалтерских расчетов и игры в DOOM). Компьютер, регулирующий карбюратор в двигателе внутреннего сгорания — это почище ручного бомбосбрасывателя на фотонолете... мир Стругацких опережает нашу реальность прежде всего по развитию транспорта и конструкционных материалов. Отстает он по уровню компьютерной и иной вычислительной техники, автоматизации, средствам связи... мир сделал поворот от звезд к вычислительной технике».¹⁵

Весьма эмоционально высказался на сей счет и З. Прилепин в своем послании в загробный мир, обращаясь к И. Сталину: «если б ты прожил ещё полвека — никто б не разменял великую космическую одиссею на ай-поды и компьютерные игры».¹⁶ Вот, кстати, еще одна наглядная демонстрация проблем в нашей образовательной системе. Конечно, космофизику и космобиологию в школе не учат. Но если бы лучше учили просто физику и биологию, ребятишки были бы полюбопытнее, читали бы книжки и умели бы отличать научную фантастику от науки. Яблони на Марсе — это из песни.¹⁷ Никаких космических одиссей не будет до того, как наши потомки будут иметь представление об устройстве Вселенной достаточно полноценное, чтобы преодолевать пространство иными способами, нежели понятные нам сейчас. Это не через полвека. А ближний космос осваивать бессмысленно (не говоря, конечно, о практической пользе от спутниковой связи и вполне реальной опасности военного освоения околоземного пространства). Бог его знает, верит ли З. Прилепин в колонизацию Венеры. Надеюсь, да:

романтика вообще многое оправдывает. Два десятка лет назад многие верили.

Но в контексте нашей темы интереснее другое, не яблоны на Марсе, а «ай-поды» (если только в виду не имелись айпады¹⁸) и компьютерные игры. В том же письме на тот свет З. Прилепин сообщает: «чтоб избавиться от тебя, мы придумываем всё новые и новые истории в жанре альтернативной истории, в жанре мухлежа и шулерства, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии». Может оно конечно и так, хотя рука так и просится за бритвой Оккама. Ну слишком тонко получается. Мне уже приходилось писать об альтернативной истории. На одну книжку в духе «Юбераллес» приходится не менее десятка как под копирку сделанных героических историй «попаданцев», живьем оказывающихся пред ясными очами «отца народов» и способствующих ему в вящих победах. Может это, конечно, утонченное издевательство над образом вождя, но мне так не думается. Все куда проще. Эти люди, авторы, живут в мечтах, а уж мечты у них, какие получились. Так что и антисталинисты, и сталинисты, равным образом выбирают между реальностью и мечтой — мечту. Однако, редко обращается внимание на мотивацию этого выбора. Между тем, она очевидна.

Человек живет, на самом деле, в мире собственных представлений. Их система — прослойка, отделяющая нас от физической реальности. Так было всегда, но компьютер и интернет сделали такое положение вещей предельно наглядным. Дело даже не только в том, что сама эта реальность видится нам сегодня совсем иной, чем сто лет назад; мы просто лишены возможности оперировать в своем сознании чем бы то ни было, кроме образов. Конечно, в практических действиях виртуальная картина мира постоянно соотносится с реальной, мы не пытаемся пройти сквозь стены, а используем двери. Но если говорить о восприятии, наша биологическая оболочка не способна в реальности пережить и тысячной доли воплощений в обличья и судьбы, на которые способны наши разум и чувства. И когда у людей появилась возможность выбора между реальностью и виртуальностью, результат этого выбора предсказать не трудно.

Главное при этом в том, что, в отличие от тех самых космических кораблей, компьютер открывает дверь между мирами не для нескольких десятков (или сотен) избранных, а для всех. Это как Вселенная после The Beatles: право любить музыку перестало быть привилегией. Некорректно сравнивать всего лишь территориальную экспансию и такой абсолют, как доступность информации. Право на знания, на компетентность, не только лежит в основе развития потенциала социума как целого, но и служит абсолютно необходимым условием его справедливого устройства. Вопрос не в том даже, могут или не могут общества, устроенные по типу мегамашин Л. Мэмфорда,¹⁹ выйти к звездам, а какое качество жизни они способны обеспечить для

¹³ Например, весьма популярным было издание: Компьютерные миры ZX Spectrum. Вып. 1-6. Спб., Издательство: «Питер», 1994-1996.

¹⁴ Абзац, газета для спектрумистов», выходит в Вологде с октября 2000 года по настоящее время.

¹⁵ Переслегин С. Бриллиантовые дороги. Предисловие к первому тому Собрания сочинений А. и Б. Стругацких. М., АСТ, 1994. т. 12.

¹⁶ Письмо товарищу Сталину // Блог Захара Прилепина. <http://svpressa.ru/society/article/57411/>

¹⁷ Песня В. Мурадели (слова: Е. Долматовского) 1963 года, классической эпохи космической романтики, «Туманности Андромеды» И. Ефремова, «Стажеров» и «Страны багровых туч» братьев Стругацких..

¹⁸ Еще один случай, когда одна буква меняет очень многое. Ай-под — символ музыкальных увлечений, пожалуй, уходящего, уже, поколения начала тысячелетия. Ай-пад — символ следующего шага в мобильность, а для России еще и намек (способный иметь разную окраску) на Д. А. Медведева и его окружение.

¹⁹ Мэмфорд Л. Миф машины. // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С.79-97

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Цифровые технологии в контексте антропологической революции |

людей. Чтобы население могло воспользоваться плодами технического прогресса, участвовать в политических процессах, оно должно обладать доступом к информации.

Необходимо повториться: дигитализация есть процесс, необходимо подразумевающий компьютеризацию и развитие интернет. Одно без другого невозможно и бессмысленно. Большие ЭВМ могли существовать, не будучи соединены в сеть, хотя в фантастических образах мира уже в 1950-е годы возникает идея искусственного разума, выходящего за пределы машинного зала. В этих образах присутствует понимание абсурдности ситуации, в которой ЭВМ ограничена в своих возможностях опосредованиями, порождёнными необходимостью использовать принадлежащие предшествующей эпохе инструменты организации информационного пространства.

Позднее, в России, Фидонет частично существовал в парадоксальной форме, включавшей элементы «ручного» обмена дисками, поскольку машины были изолированы друг от друга отсутствием нормальных средств связи.²⁰ Дело в том, что, с того момента, как мы располагаем компьютером, потенциально способным хранить и обрабатывать любые информационные массивы, логически очевидной становится необходимость объединения этих массивов. С этого момента возникновение интернет неизбежно, вопрос только за техническими решениями.

Дигитализация существенным образом влияет на ситуацию с дистанцией между автором и читателем (зрителем). При этом речь идет не просто об увеличении или сокращении этой дистанции; она переходит в иное измерение. В. Елистратов утверждает: «Интернет — это прежде всего “культурная нирвана” человечества. Это глубоко буддийский (квазибуддийский) по духу цивилизационный проект... В идеале интернет — это вся информация о прошлом и настоящем человечества... Джобс и “джобсисты” с помощью интернета избавили людей от культурно-информационных страданий. От бесконечной и нудной культурно-духовной сансары, цепи страдательных перевоплощений. От мучительной сансары истории культуры». Разумеется, это изложение напоминает известный тезис Фукуямы насчет конца истории, но по сути с высказанным посылом трудно не согласиться. Однако, дальше следует вывод: «Но когда вся культурная информация легко доступна, она перестает быть ценностью. Деловая информация — это важно, а культурная — это груз кармы».²¹ И вот тут уже хочется задать естественный вопрос: а с чего бы это? Неужели ценность представляет только то, что недоступно, ради чего надо сражаться, умереть и убит, что нельзя просто получить, а надо отнять, выпросить, украсть?

Вообще-то культурное потребление устроено не так. Мне нравится альбом «The dark side of the moon»²², и в этом факте,

слава Богу, нет посторонней, излишней составляющей. Я не покупал его впервые, в советскую эпоху, на черном рынке, разгрузкой вагонов, или каким-то иным способом, заработав «громadne» деньги — 80 рублей; мне глубоко безразлично, выделяет ли меня эта любовь, маркирует изысканный вкус или делает похожим на десятки миллионов потребителей, гонящихся за модой. Все это не имеет никакого отношения к делу; мне просто нравится эта музыка, тут вопрос сугубо личный, лишённый какого бы то ни было общественного смысла.

Конечно, наши интересы и установки опосредованы нашим социальным опытом, человек вообще животное общественное; но это уже другой уровень рассмотрения, на котором личности, вообще говоря, нет. В пространстве культурологического анализа сомнение в ценности тиражируемых культурных феноменов приходится трактовать как форму снобизма. Каждый акт культурного потребления единичен (хотя, с точки зрения социологии культуры, разумеется, опосредован социальными связями, хабитусами, культурным капиталом). И сетовать на всеобщую доступность ценностей, владение которыми недавно еще позволяло причислять себя к «аристократии духа», наивно.

Другой аспект критики связан со вторичной декоммерциализацией культуры. Парадокс состоит в том, что с одной стороны и от деятелей культуры, и от культурологов часто можно слышать сетования на разрушительное воздействие, оказываемое «властью денег» на творчество и потребление культурных ценностей, а с другой, не меньше протестов вызывают системы их бесплатного распространения. Корпоративный интерес здесь явно ставится над общественным; параметры статуса художника и критика оказываются важнее, нежели, собственно, судьба искусства.

Между тем очевидно, что в обществе, где культурные ценности вообще не востребованы, ни о каком статусе художника говорить просто не приходится. Мы относительно недалеко еще от эпох, когда никаких профессиональных писателей, живописцев, не говоря уже о кинематографистах, не было. И сокращение платёжеспособного спроса на продукты культуры неизбежно ограничивает возможности всех, кто эти продукты производит. Однако эта общая закономерность, как всегда, для отдельного человека ощутима куда слабее, чем сиюминутный коммерческий интерес.

Еще один аспект проблемы, пожалуй, нагляднейшим образом представлен в кадрах фильма *Pirates of Silicon Valley*,²³ идущих под «Question» *Moody Blues*,²⁴ когда совсем юные Возняк и Джобс с той самой «голубой коробочкой» в руках бегут через кампус, пытаясь не влипнуть в противостояние студентов с полицией, и Джобс кричит: «мы делаем революцию, не

²⁰ FidoNet, международная любительская компьютерная сеть, построенная по технологии «из точки в точку». Изначально программное обеспечение FidoNet разрабатывалось под MS-DOS, затем было портировано под все распространённые операционные системы (UNIX, GNU/Linux, Microsoft Windows, OS/2 и Mac OS.). Была популярна в бывшем СССР — до конца 1990-х, продолжает функционировать, в 2009 года в ней было 5500 узлов. См.: История узла 2:46/0 — хоста Региона 46 сети Фидонет http://1-veda.info/_fido/r46_host.html ; 64 Килобайта о FIDONet <http://vp.propush.ru/index.php?q=node/42>

²¹ Елистратов В. Интернет-нирвана Стива Джобса // Октябрь. 2012, №2.

²² Восьмой студийный альбом Pink Floyd, март 1973 года.

²³ Фильм Мартина Бёрка. Основан на книге «Пожар в долине: Создание Персонального компьютера» (Fire in the Valley: The Making of the Personal Computer) Пауля Фрайбергера (Paul Freiberger) и Майкла Свайна (Michael Swaine). Ноа Уайли создал совершенно удивительную, знаковую версию молодого Джобса. На Macworld 1999 их взаимное представление стало сюжетным центром всего шоу.

²⁴ Бирмингемская группа, основанная в 1964 г., как один из основоположников прогрессивного рока (в дальнейшем к их композициям применяются также классификаторы арт-рок, поп-рок, психоделический рок). В основной состав *Moody Blues* входили Mike Pinder (Майк Пиндер, клавишные, вокал), Ray Thomas (Рэй Томас, вокал, флейта), Graeme Edge (Грэм Эдж, перкуссия), John Lodge (Джон Лодж, бас, вокал), Justin Hayward (Джастин Хейворд, гитара, вокал).

они!». Действительно, компьютеризация как бы вобрала в себя молодёжный протест, растворила его, оставив, вместо мощной, пусть и разнородной, волны, отдельные ручейки: вот кучка марксистов, вот панки, вот «зеленые», вот остатки маоистов, анархисты, и во всем этом никто уже не увидит призрака 1968 года. Сегодня «пиратские партии» в политическом поле вьются больше, чем наследники того протеста, многим казавшегося революцией, способной сокрушить капитализм. Политический протест сегодня опосредован компьютером и сетью, имя Ричарда Столлмена²⁵ (не говоря уже о Нео из «Матрицы»²⁶) значит для молодёжи куда больше, чем субкоманданте Маркоса.²⁷ Вслед за виртуальными войнами пришло время виртуальных революций, и это означает формирование совершенно нового образа политики, политической культуры; требование иных вождей, иных партий, иной меры личного участия.

Обозначенный в свое время Ф. Теннисом переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*²⁸ требует дальнейшего осмысления как совокупность процессов, имеющих внутреннюю логику. Мы понимаем, как реализуются социализация, социальные взаимодействия в малых группах, локальных сообществах. Но, рассуждая о макросреде, мы часто подменяем ее теми или иными формами все той же микросреды, либо, в рамках институционального подхода, описываем не общество, а инструменты и формы управления. Для культурной антропологии эти подходы явно неадекватны. Мало того, они не позволяют нам решить и ряд традиционных для других наук задач, например, интерпретировать гражданское общество. Оно в подобных подходах отождествляется со структурами традиционного общества или сводится к механизмам репрезентации интенций населения. Между тем, если понимать гражданское общество как совокупность граждан, создающих те или иные временные структурные композиции, такая схема будет рабочей, и не только на уровне муниципальных объединений. Естественно, речь будет идти о сетевых структурах.

В данном случае нас, однако, интересует не столько их оформление, сколько социокультурные процессы, делающие индивида членом подобных объединений. Необходимые для этого навыки не заимствуются механически из *Gemeinschaft*, они должны формироваться заново. Именно те сдвиги в мыш-

лении, о которых шла речь выше, и составляют главное содержание антропологической революции, результатом которой становится новый индивид и новое общество. Это индивид, не нуждающийся в постоянной, устойчивой микросреде для развития и социального бытия, и общество, в котором макросреда перестает быть всего лишь настройкой над микросредой, но обретает самостоятельное значение.

Главное, однако, не в этих, вторичных, воздействиях процессов дигитализации на культурную среду, а в прямом влиянии, связанным с фундаментальным эпистемологическим сдвигом. Эпоха Гуттенберга дисциплинировала человека нарративами, подчиняя их ритму, логикам, структурам. У Х. Л. Борхеса есть эссе про четыре сюжета,²⁹ к которым сводится мировая литература. Возможно, это и упрощение, но фиксирующее внимание на вполне реальном смысле: нарратив печатной эпохи устойчиво вносил в мир систематизацию, причем основанную на достаточно элементарных таксономиях. Человек понуждался быть проще, чем он есть, помещаясь в структурные связи, описываемые инструментарием, безнадежно примитивным в сравнении с возможностями мозга. В общем-то и современные модели гипертекста отнюдь не в полной мере этим возможностям адекватны, но мы, наконец, хотя бы движемся в правильном направлении.

Культура Гуттенберговской эры построена на схемах, не адекватных природе человеческого мышления. Во-первых, она продолжала традицию, свойственную дописьменным обществам, абсолютизирующую роль памяти. Между тем, память — самое слабое свойство человеческой интеллектуальной сферы, по этому параметру человек безнадежно уступает даже самым убогим компьютерам. Возникновение письменности, теоретически, могло бы избавить людей от этой нагрузки, но такое соображение относительно верно лишь применительно к большим сообществам. Коллективная память, на самом деле, начинает разгружаться уже в древнем Шумере. Но к индивидуальной памяти это не относилось в силу крайне низкой доступности письменных источников. Книгопечатание и каталогизация, впрочем, изменили в этом отношении многое, но далеко не все. Достаточно обратиться к системам классификации применительно к российским практикам, закреплённым в ББК и УДК. Вряд ли можно всерьез рассуждать о применимости этих классификаторов к деятельности по получению нового знания, равно как и сравнивать их хотя бы с самой примитивной из поисковых машин интернет — это просто совершенно разные вещи. Только компьютер дал людям возможность разгрузить память — и начать учиться использовать свое мышление хоть на десятую часть его потенциала.

Во-вторых, за редчайшим исключением, все тексты до недавнего времени имели линейную организацию. А она ничего вообще не отражает, ни устройства мира, ни свойств человеческого мышления, будучи сугубо искусственным конструктом. Первобытный дикарь, бредший по натоптанной тропинке, боясь свернуть с нее в неизведанное, завидовал птицам, чей мир оказывался многомерным; воображал их символами свободы. Гипертекст по отношению к тексту линейному — то же, что

²⁵ Richard Matthew Stallman основатель проекта GNU, Фонда свободных программ, автор концепции «копилефта» реализованной в лицензии GNU General Public License (GNU GPL) для ПО. см.: Личный веб сайт Столлмана. <http://stallman.org/>; Почему школам следует использовать только свободные программы <http://lipetsk.lug.ru/articles/schools.html>; Право читать <http://www.gnu.org/philosophy/right-to-read.ru.html>

²⁶ The Matrix — научно-фантастический боевик, снятый Энди и Ларри Вачовски, с участием Киану Ривза, Лоуренса Фишборна, Кэрри-Энн Мосс и Хьюго Уивинга. Фильм вышел на экраны США 31 марта 1999 года (см.: Jenkins H.. Searching for the Origami Unicorn // *Convergence culture: where old and new media collide*. NYU Press, 2006. P. 98.; «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: У-Фактория, 2005; Феллуга Д, Гордон Э.. «Матрица»: парадигма постмодернизма // *Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице»*. — М.: Ультра.Культура, 2003. С. 87-102.

²⁷ Левый радикальный писатель и философ, главный идеолог и пропагандист Сапатистской армии национального освобождения, организатор восстания в 1994 году в штате Чьяпас (Мексика).

²⁸ Tönnies F. *Community and Civil Society*, ed. Jose Harris, Cambridge, Cambridge University Press. 2001.

²⁹ Борхес Х. Л. Четыре цикла. // Библиотека СЕРАНН. <http://www.serann.ru/text/chetyre-tsikla-9220>

право летать в сравнении с заданностью пути по проложенным в непроходимых зарослях тропинкам. Другой вопрос, что при этом гипертексту часто навязывается линейная последовательность ссылок, но она не является необходимой, и преодолевается достаточно легко.

Интернет создает тенденцию к стиранию границы между гипертекстом и контекстами. Еще сравнительно недавно контексты конструировались весьма узкими. Образцовые, в принципе, для советского издательского дела примечания к книгам серии «Литературные памятники» ограничивались, по сути, историко-филологическим контекстом. Примечания к «Уллиссу» существенно объемнее, но они уникальны. Там можно выделить характерный для многих изданий контекст, создаваемый реалиями Дублина, собственно джойсовский (аккумулирующий его личный опыт), литературно-художественный, историко-культурный.³⁰ Но интернет позволяет расширять контексты бесконечно.

И здесь мы сталкиваемся с ключевой проблемой, порождаемой интертекстуальностью: если первичные, очевидные связи текста более или менее общи для большинства читателей, то о связях связей связей этого сказать нельзя, они становятся все более индивидуализированными комплексами. Если читатель не имеет понятия о древнегреческой мифологии, именование книготорговой фирмы «Харон» не вызывает у него никаких ассоциаций.³¹

В общем-то, стратификация совокупности читателей происходила всегда, любая книга обращена к нескольким аудиториям сразу. Но раньше эти аудитории были более очевидны для анализа. Сегодня мы далеко не всегда можем с уверенностью сказать, что именно знает, а чего не знает конкретный читатель, при этом внутренние связи этих индивидуальных систем знания становятся все менее очевидными. Если корпоративное знание все-таки изучается, то о знаниях индивидуальных общество судит весьма приблизительно. В результате нельзя быть уверенным в адекватном прочтении любого, скольконибудь обладающего контекстом, сообщения. Это и есть один из аспектов той самой постмодерновой эпистемологической неуверенности, которую М. Фуко и Ж. Деррида интерпретировали, прежде всего, в плане краха научного детерминизма, К. Брук-Роуз — в плане производности представлений о реальности от наших же многочисленных систем репрезентации, а Х. Бертенс — онтологического сомнения.³²

Далее мы выходим за пределы собственно текстовых форм. Виртуальная реальность представляет собой отнюдь не механическое удвоение мира. У нее иные законы. Прежде всего, будучи продуктом программирования, она естественно приобретает организацию, адекватную логике машинных языков. В ней имеет место невозможный в физической реальности

цикл. При этом принципиально важно, что человеческое мышление строилось, во всяком случае, на известных нам стадиях традиционного общества, в значительной мере с опорой на циклическую модель времени. Естественно, такое видение мира оказывалось в существенной степени иллюзорным и приблизительным. Линейная модель времени выступала более перспективной.

Но новое возвращение к циклу происходит на ином уровне. Конечно, в паранаучных построениях присутствуют и искусственные схемы, предполагающие первобытное циклическое восприятие мира; классическим случаем здесь может представляться концепция А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского.³³ Но органичны природе виртуальности не спекуляции, а артикуляция конструктивной роли циклов как строительного материала функциональных процессов.

Не менее важно, что гипертекст отрицает уместность иерархий на уровне языка. Сегодня ревнители русского языка, как в начале XVIII столетия столпы Французской академии, представляют, в качестве полного разрушения языковой традиции, устанавливающиеся в интернет практики манипулирования грамматикой, словарями, стилистикой. Чисто в филологическом плане тут нечего обсуждать: все языки эволюционируют, в развитых языковых пространствах формируются институциональные формы, пытающиеся эти процессы регулировать, сохраняя идентичность, и, разумеется, если дать им волю, способны убить развитие, сделать язык мертвым. Нам интереснее другое.

Со времени Э. Сепира — Б. Уорфа³⁴ принимается, как очевидная, взаимосвязь языковых форм и форм мышления. Очевидно, что в интернет происходят процессы, выходящие за рамки складывания арго, диалектов, жаргонов и других форм языковой консолидации интернет-сообществ. У них, разумеется, есть свои инструменты нормирования, но эти инструменты отнюдь не столь эффективны, как в реальных сообществах, а главное, членство в них куда менее обязательно и может быть легко сочетаемым, изменяться: человек имеет право принадлежать одновременно к нескольким сообществам, без особых затруднений покинуть одно из них ради другого.

Поэтому создаются максимально благоприятные условия для тенденции эволюции языковых форм к идеолектам; по сути, ее сдерживает только очевидное прагматическое соображение: позволив себе полную свободу в способе выражения

³⁰ Джойс Дж. Улисс. Пер. с англ. В. Хинкиса, с. Хоружего. СПб., Азбука-классика, 2006. <http://www.james-joyce.ru/ulysses/joyce-ulyss-hinkis-joruzhiy.doc>; Русский Джойс нового тысячелетия — интервью с Сергеем Хоружим, переводчиком «Улисса» <http://www.james-joyce.ru/articles/russkiy-joyce.htm>

³¹ Ситуация, обыгранная С. Мартынич в «Энциклопедии мифов». Фрай. М. Энциклопедия мифов. Подлинная история Макса Фрая, автора и персонажа. Том 1. А-К. СПб.: Амфора, 2002.

³² Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) — INTRADA. 2001.с. 346.

³³ Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 21 декабря 1999 года. — М.: Русская панорама, 2000; Чем угрожает обществу лженаука? (заседание Президиума РАН), 2003. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/FALSCI.HTM>; Новиков С. П. Псевдоистория и псевдоматематика: фантастика в нашей жизни. // Успехи математических наук, 2000.; Андреев А. Ю. Теория ошибок и ошибки теории А. Т. Фоменко. <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/andreev.pdf>; Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. 2003. Вып.. 6 (124). С. 342-387.

³⁴ Sapir-Whorf hypothesis, концепция, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. См.: Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. // Новое в лингвистике, вып. 1, М., 1960; Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь №8, 2011.

мысли, мы рискуем быть не понятыми никем. Дело, однако, в том, что и об этом не каждый задумывается, и, кроме того, понимание зависит от заинтересованности.

Речевая дисциплина в абсолютном большинстве известных нам культур была маркирующим признаком элит, и, следовательно, важным компонентом символического капитала; в британской культуре проявления этой закономерности очевидны еще в 60-е годы XX века, явными они были и в советской культуре. Относительная свобода в общении с близким окружением тоже нормировалась, и была тем меньше, чем выше социальный статус агента речевой деятельности. Но выраженный кризис культурной гомогенности в Европе и США, для России еще совпавший с радикальным обновлением культурных ценностей, разрушил эти ограничения. И случилось так, что именно в этих условиях интернет ликвидирует зазор между средой частного и публичного общения. Абсолютное большинство пользователей не воспринимает себя в форумах, блогах, социальных сетях в качестве ньюсмэйкеров и используют тот язык, которым пользуются в повседневном общении с близким кругом. А именно «штиль», как выражались в XVIII столетии, отграничивал приватное пространство от публичного, маркировал границы внутри этих пространств.

По сути, эти процессы имеют эффект, аналогичный тому, которого хотели добиться, и добились лидеры Французской революции 1789 года, именовав Людовика XVI «гражданином Капетом». Полтора столетиями раньше английская революция судила Карла I как короля, к нему до последнего момента обращались «ваше величество». Головы этим двоим людям отрубили одинаково, лишь используя разный инструмент, но восприятие этого действия было разным. И, соответственно, весьма разными оказываются среднесрочные последствия.

Но сегодня мы присутствуем при куда более фундаментальном крахе иерархий, изменяющем само понимание социальной стратификации и ее культурных последствий. Прежде этой стратификации был присущ атрибут постоянства; само понятие «социального лифта» подразумевает устойчивость, некую конструкцию, имеющую этажи, верх и низ, которым не свойственно спонтанно меняться местами. Сегодня общество становится несоизмеримо более динамичным, социальные взаимодействия — многократно более массивными, частыми, и в то же время уникальными. Этим создается новая культурная ситуация, с наибольшей очевидностью предполагающая формирование динамических трактовок социального статуса. Мир без традиционных иерархий только кажется похожим на тот, к которому большинство из нас привыкли.

Эпистемологическая неуверенность представляет собой необходимое состояние агентов взаимодействий цифровой эпохи. В киберпанке от У. Гибсона и Б. Стерлинга «Машина различий» описан кошмарный мир, компьютеризованный на базе разросшихся арифмометров.³⁵ Эти машины в самом деле считают; даже в нашей реальности машина Донкина, в которой были реализованы намеченные Ч. Бэббиджем принципы, использовалась для вычисления таблиц смертности, по которым страховые компании производили свои начисления. Но вектор

развития придуманного Гибсоном и Стерлингом общества совсем иной. Поэзия последних строк романа с красками Лондона 1991 года — лишь мираж Ады Байрон; скорее, будущее этого мира стало бы похожим на урбанизированные, дегуманизированные антиутопии, какие начали появляться с рубежа XX века, когда такой мир казался возможным, что-то вроде реалий «Джонни-Мнемоника» в киноверсии, более близкой эстетике киберпанка, чем оригинальный текст³⁶, или «Нирваны».³⁷ Кое-где он действительно возник; в разных странах существуют индустриальные центры, в которых человек кажется лишним. Пафос эпохи индустриализации состоял в подчинении природы, превращении ее в ресурсы, употребляемые для производства. Результатом этой утопии становится мир, полностью понятный, потому что создан по заданному плану. Он диссонирует с человеческой индивидуальностью не оттого лишь, что подменяет собой природную среду, в которой укоренено наше сознание, но и в силу своей примитивности. С интернет все обстоит иначе. Мы уходим в Сеть, не зная, кто вместо нас вернется. В подлинном смысле адаптивными являются лишь системы, способные рефлексировать свою изменчивость и сохранять идентичность, меняясь.

Эпистемологическая неуверенность означает и радикальное изменение образа знания. Происходящий при этом generation gap артикулировал, наиболее заметно для современного российского общества, М. Задорнов: «их действительно пожалеть надо, ведь из-за западной реформы образования пальцы у них заточены под клавиатуру... они не знают грибов, не умеют разжечь костер, да и зачем им грибы знать? Надо найти подосиновик? Набрал в Google «подосиновик» и нашел!».³⁸

Контраст, в самом деле, выглядит забавно, но еще забавнее то, что за ним стоит. А стоит детская вера значительной части старшего поколения, будто мир таков, каким его описал Жюль Верн в книжке «Таинственный остров». Там действительно инженер Сайрус Смит из подручных материалов сооружает много чего, вплоть до железной дороги. Кстати, у О'Генри есть рассказ, в котором герой, выбравший себе для чтения энциклопедический словарь, блистательно посрамляет другого, предпочтешего сборник стихов Хайяма.³⁹ Только там — ирония.

Но с тех пор прошло полтора века. Мир стал многократно сложнее, и ему нужны другие герои. Знание непрерывно обновляется, и эпистемологическая неуверенность — то, что позволяет нам к этому обновлению адаптироваться. Однако, в доцифровую эпоху такая адаптация предполагала не совсем естественную для человека способность избирательного забывания. Шерлок Холмс создает себе репутацию чудака, в том

³⁵ Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. М., Изд-во «У-Фактория», 2002.

³⁶ Johnny Mnemonic — фильм Robert Longo 1995 года по одноимённому рассказу Уильяма Гибсона. Блестящая актёрская работа Киану Ривза. Сам рассказ Уильяма Гибсона впервые напечатан в журнале Omni в 1981 году и позднее вошел в сборник рассказов «Сожжение Хром» 1986 года.

³⁷ Фильм Габриэле Сальватореса 1997 года с Кристофером Ламбертом. Покидая на время Виртуальность, герои оказываются на улицах, больше похожих на свалки, где, глаза на настенные экраны, греются у костров лямпы.

³⁸ Задорнов о молодежи. Мой комментарий после общения. // Ириша Лазур. Блог. 02.04.11, 13:04. I.UA <http://blog.i.ua/user/3661818/676778/>

³⁹ Рассказ «Справочник Гименя» (О'Генри. Справочник Гименя // О'Генри. Сердце запада. М., Кристалл. 2002. с. 37–48.)

числе, и фразой насчет периодической очистки чердака (то есть памяти) от хлама. А вот для любого носителя данных такая операция абсолютно естественна.

Тем не менее, настороженность в отношении проявляющихся все более явно тенденций эволюции мышления, связанных с отказом от апологии репрезентативных возможностей человека, проявляет себя в ситуации публичных экспертиз. Показателен в этом плане и «Мозговой штурм» на канале ТВЦ 24 июля 2012⁴⁰, в ходе которого высказались сомнения касательно роста уровня подготовки студентов в условиях интернетизации образования, измеряемого, опять-таки, в «знаниях».

Еще одно принципиальное свойство виртуальной реальности — возможность «отката». Конечно, возвращение к предыдущему состоянию с отказом от ряда осуществлённых операций в буквальном смысле невозможно за пределами виртуального мира (если не считать, вслед за А. Шюцем, одним из жизненных горизонтов пространство, творимое в фантастике). Но даже просто осмысляя эту возможность, мы представляем себе мир иначе. Это видение становится более четким, последовательным, эксплицирующим конкретные следствия наших воздействий на реальность. Как это ни парадоксально, размышления о возможности «отката» учат ответственности.

Наконец, принципиально изменяется и позиционирование человека себя в мире культуры. Для части людей и сегодня коллекционирование старопечатных изданий является смыслом жизни, кино никоим образом не может быть сравнимо с театральной постановкой по воздействию на зрителя, а «фанера» не идет ни в какое сравнение с живым звуком. Вообще-то говоря, эти люди в существенной мере живут еще в до-гуттенберговскую эру. Полторы сотни лет назад зарождающаяся фотография ни в коей мере не воспринималась в качестве искусства, ей отводилась роль чистой документалистики, как, похоже, по мнению большинства, и движущимся картинкам Люмьеров.⁴¹ Сегодня, хотелось бы надеяться, мы понимаем, что все это разные виды искусств, которые бессмысленно сравнивать. Но если в театре зритель, вопреки мнениям относительно высокой включенности в ткань спектакля, на самом деле лишен возможности даже «поставить на паузу», чтобы обдумать очередную реплику, мизансцену, то располагая самыми элементарными программными средствами, волен манипулировать цифровой записью того же спектакля весьма свободно.

У Алексея Бородина в РАМТ «Берег утопии» Тома Стоппарда идет почти 10 часов (в первоначальной версии так и было, потом последовала разбивка на 3 части). Вообще говоря, авторский замысел наиболее адекватно воплощается именно при сквозном просмотре. Ситуация, в которой зритель смотрит первую часть, уходит домой, потом, на завтра, с утра едет на работу, вечером идет в РАМТ, смотрит вторую часть, и дальше по циклу, не выглядит оптимальной. С моей точки зрения, лучше иметь запись, и просмотреть ее так, как позволит твой биоритм. Дело культурной привычки каждого, конечно, но так — естественнее, нежели скрадывать разрывы в действии.

Особняком стоит еще один аспект вопроса: для кого-то, возможно, публика, среди которой он сидит в зале — часть среды

восприятия. Периодически (например, в «Культурной революции» у М. Швыдкого) возникают даже обсуждения дресс-кодов для театра.⁴² Полагаю, некоторые люди просто скучают по утраченной после 1917 года салонной культуре. Это можно понять, но при чем тут Том Стоппард или Питер Брук?⁴³ Дигитализация очищает процесс восприятия искусств от наслоений социальности, возводя его к онтологической сущности: человек слушает Бога. Потому что, как писал в свое время П. Чаадаев, Бог оставил нам две книги: Библию, и мир.⁴⁴ Искусство — способ увидеть мир через переосмысление, рекомбинацию, сотворчество.

Возможно, когда-нибудь возникнут формы искусства, позволяющие реальное коллективное участие, но пока говорить о «коллективном» восприятии применительно к кинозалу или театральному залу почти то же самое, что рассуждать об этом применительно к библиотеке, где тоже может собраться немало народа. Что же касается стадионного рока и многочисленных примеров аудиторий, скандирующих в ритм тексты «Nirvana»⁴⁵, «Iced Earth»⁴⁶, или отнюдь не пытающейся использовать жесткий драйв Патрисии Каас, то тут речь должна идти совсем об иных процессах, связанных с групповой психологией, в терминах отнюдь не психологии когнитивной. Даже многопользовательские компьютерные игры по сути не являются моделью группового соучастия в творчестве, предлагая лишь кооперативное действие. Пока же именно человек с наушниками на голове перед дисплеем представляет собой наиболее непосредственный случай прямого контакта с произведением искусства.

В конечном счете, дигитализация радикально меняет как культурное поведение индивида, так и систему социальных взаимодействий по поводу культуры. Речь идет о фундаментальных изменениях, сопоставимых даже скорее не с переходом к гуттенберговской эре, а с рождением речи. Это не эпистемологический сдвиг, а антропологическая революция, причем уже становящаяся реальной, безотносительно к спекуляциям по поводу нейрочипов и кибернетизации человека.

Мы становимся иными, потому что начинаем иначе воспринимать реальность и художественный вымысел, иначе мыслить, иначе строить взаимодействия с другими людьми. В цикле о «Полдне» А. и Б. Стругацких дана очень точная

⁴² Программа на телеканале «Культура» от 13.01.12 Культурная революция. «Дресс-код убивает личность».

⁴³ «Махабхарата» Питера Брука тоже шла 8 часов; правда, этот спектакль уже в ходе премьеры 1985 года был представлен в двух частях, и занимал два вечера. Фильм с Жоржем Каррафасом, Ришаром Чеслаком, Джеффри Киссуном, Сотишем Куэт, Эрикой Александр, Морисом Бенишу, Урсом Билером, Мамаду Диуме, Мириам Голдшмидт вышел в 1989 году.

⁴⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо второе.

⁴⁵ Рок-группа, созданная вокалистом и гитаристом Kurt Cobain (Куртом Кобейном) и басистом Krist Novoselic (Кристом Новоселичем) в Абердине, штат Вашингтон, в 1987 году. Вошла в музыкальный мейнстрим, популяризовав поджанр альтернативного рока, названный гранжем. Курт Кобейн представлялся многим «голосом поколения X». (термин Джейн Деверсон, сделанный популярным книгой Д. Коупленда) (см. Azerrad M. Inside the Heart and Mind of Nirvana // Rolling Stone 1992. 16.04.)

⁴⁶ Хэви-метал-группа. Основана ритм-гитаристом и композитором Джоном Шаффером (Jon Schaffer) в 1985 году. См.: www.icedearth.com/.

⁴⁰ Интернет-мышление. Мозговой штурм.. 24 июля 2012. <http://mozgovoyshтурм.ru/article/78/>

⁴¹ Луи Жан , Огюст Луи Мари Николая Люмьеры, родоначальники кино.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Цифровые технологии в контексте антропологической революции |

картина: общество остается идентичным и вполне понятным для читателя 70-х годов XX века, пока осваивает звезды, нуль-транспортировку; сталкивается, как ему кажется, с инопланетным, и весьма далёким по своей природе разумом. Но стоит на месте инопланетной цивилизации увидеть изменившееся новое поколение самих землян, привычный мир рушится. Так и происходят антропологические революции. Можно считать, вслед за Ж. П. Сартром, адом *других*,⁴⁷ пока не задумываешься

⁴⁷ Фраза Jean-Paul Sartre из пьесы «Huis clos» («Взаперти», 1943). В эссе «Краткая история пэйнтбола в Москве» В. Пелевин добавляет: «эта

о том, что они, на самом деле, могут оказаться вовсе иными. Не добрыми или злыми, не умными или глупыми, а существами, к которым применять подобные понятия наивно, и существами этими, меняясь, становимся мы сами. Компьютер и Сеть позволяют нам вплотную подойти к грани, за которой лежит это знание.

сентенция недостаточно развернута. чтобы она обрела окончательную полноту, надо добавить, что Жан-поль Сартр — это тоже ад». (текст на сайте В. Пелевина: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-paint/1.html>)

